

БУРЖУАЗНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ГЕРМАНСКОГО ВОПРОСА ПЕРИОДА 1945—1949 ГОДОВ

С. И. Висков, В. Д. Кульбакин

Буржуазная историография германского вопроса в целом, в том числе и периода оккупации Германии, обширна. Наибольшее число работ создано в США и Западной Германии. Исследование этой темы за рубежом не прекращается и поныне. За время, прошедшее после окончания войны, события наложили свой отпечаток на характер оценок, на позиции отдельных авторов, их подход к истолкованию проблемы. Уже по одной этой причине поток литературы по германскому вопросу не может быть одноплановым.

Наиболее стабильным критерием определения основных направлений в буржуазной историографии этой проблемы является отношение авторов к политике своего правительства и к союзнической политике в целом в германском вопросе. На этом основании можно выделить два главных направления: одно условно названо в данной статье официозным, другое — либерально-критическим. Официозное направление включает авторов, которые поддерживают в своих работах политику правящих кругов своей страны в германском вопросе того времени — курс на раскол Германии и образование сепаратного западногерманского государства. Некоторые из них критикуют эту политику, но не за существо, а за методы, формы ее осуществления. Это критика с правых позиций, форма защиты данной политики. Критическое направление, выражающее точку зрения буржуазно-либеральных кругов, выражает несогласие с политикой отказа западных держав от сотрудничества с Советским Союзом, с отходом от Ялтинских и Потсдамских соглашений, с политикой раскола Германии, вовлечением ФРГ в НАТО. Узловыми пунктами историографии германского вопроса, находящимися в центре внимания исследователей, являются: объективная необходимость союзнической программы в отношении Германии, воплощенной в Ялтинских и Потсдамских соглашениях, и опыт осуществления союзнической политики в Германии на основе сотрудничества стран антигитлеровской коалиции.

Вопрос о том, как обезопасить мир от новой агрессии германского империализма, волновал широкие народные массы стран антигитлеровской коалиции, всех стран, подвергшихся немецкой оккупации. Он обсуждался по дипломатическим каналам с конца 1941 г., им занимались Тегеранская, Ялтинская, Потсдамская конференции руководителей трех великих держав. Программные документы, определявшие цели и задачи союзнической политики в отношении побежденной Германии, готовил с 1943 г. специально созданный союзниками совещательный орган — Европейская консультативная комиссия (ЕКК). Главной целью союзнической программы, принятой в Ялте и Потсдаме, было искоренение основ германского милитаризма, полная ликвидация любых проявлений нациз-

ма, оказание помощи немецкому народу в построении миролюбивого демократического государства. Методами осуществления этой программы должны были служить демилитаризация, денацификация и демократизация Германии. В результате военного разгрома нацистской диктатуры открылась перспектива превращения Германии в миролюбивое демократическое государство. Но соотношение сил в стране после окончания войны было таково, что прогрессивные силы сами не могли одолеть реакцию и направить развитие страны по пути мира и подлинной демократии. В этих условиях союзническая программа, оккупация Германии явились необходимыми факторами ее демократического обновления.

Однако вскоре после принятия Ялтинских и Потсдамских соглашений в западных странах, особенно в США, начались ожесточенные атаки справа на эти союзнические решения. После смерти Ф. Рузвельта и открытого поворота правительства Г. Трумэна в США и возглавлявших их У. Черчиллем правых кругов в Англии к политике «холодной войны» стал быстро нарастать поток литературы, содержащей критику основ союзнической политики в Германии, сотрудничества с Советским Союзом в послевоенном решении германского вопроса, безоговорочной капитуляции Германии, принципов, характера и целей Ялтинских и Потсдамских соглашений. Очень скоро определились и основные «аргументы» этой критики: а) «больной и усталый Рузвельт не смог противостоять в Ялте энергичному нажиму русских и сделал им большие уступки, не вызывавшиеся необходимостью с точки зрения интересов США»; б) Ялтинские и Потсдамские решения «были несовершенными, противоречивыми», в силу чего они «не могли привести к решению германской проблемы»¹. В развитие этих версий было создано целое направление в литературе². Вот некоторые примеры имеющейся в ней «аргументации». Генерал Дж. Дин, возглавлявший военную миссию США в Москве в годы войны, считает, что «явная нерешительность» Рузвельта на Ялтинской конференции «была, возможно, прямым результатом нашей неясной внешней политики». Небезызвестный Дж. Маккарти, поднявшийся на гребне волны антикоммунизма в 50-е годы, усматривал наличие заговора против США в ближайшем окружении Рузвельта; одним из основных участников его он считал... генерала Дж. Маршалла³.

Яростная атака справа на Рузвельта и его политику сотрудничества в решении послевоенных проблем нужна была реакционным кругам для оправдания поворота к «политике твердости» и «холодной войны» против Советского Союза. Трумэн, Черчилль, их сторонники во Франции не желали считаться с объективной необходимостью сотрудничества с СССР в интересах мира и всеобщей безопасности. В союзнических решениях, определявших основы послевоенного устройства, включая германский вопрос, были заложены реальные возможности для равноправного сотрудничества государств двух систем во имя сохранения мира на земле. Против такой возможности и повели прежде всего атаку реакционные силы. Необъективная, предвзятая критика союзнических решений обходила молчанием те решения Ялты и Потсдама, которые содержали основу для продолжения сотрудничества, и, напротив, акцентировала внимание на мнимой «неосуществимости» того, что требовало лишь дальнейших

¹ См., например: H. Morgenthau. American Foreign Policy. L. 1951, pp. 98, 105; «The Memoirs of General the Lord Ismay». L. 1960, pp. 387, 402.

² Критический анализ американской антиялтинской литературы дан в книге С. Сосинского «Акция «Аргонавт» (Крымская конференция и ее оценка в США). М. 1970.

³ J. Dean. The Strange Alliance. The Story of Our Efforts at Wartime Cooperation with Russia. N. Y. 1974, p. 43; J. McCarthy. America's Retreat from Victory. The Story of George Catlett Marshall. N. Y. 1951, p. 63; B. Cochran. Harry S. Truman and Crisis of Presidency. N. Y. 1973, p. 376. Известный американский историк Т. Бейли обвиняет Рузвельта в намерениях «умиротворения России». Th. Bayley. America Faces Russia. N. Y. 1950, pp. 295, 296.

конструктивных усилий союзников в плане согласования их позиций, достижения разумных компромиссов⁴.

Даже в мемуарах государственных деятелей США и Англии, непосредственных участников союзнических соглашений по Германии, содержатся негативные оценки возможности осуществления этих соглашений. Написанные в разгар «холодной войны», эти мемуары свидетельствовали не только о враждебности их авторов к СССР, но и об их неуважительном отношении к международным соглашениям, ими же подписанным и ими же дезавуированным. Государственный секретарь США Дж. Бирнс определил итог Потсдамской конференции как «успех, закончившийся неудачей». Один из ближайших советников президента США, участник конференций в Ялте и Потсдаме, адмирал У. Леги писал: «Мое впечатление о Потсдамской конференции можно охарактеризовать одним словом — крушение надежд! ...Потсдам явился началом холодной войны». Не объективно характеризовал позицию Советского Союза на Потсдамской конференции К. Эттли. Негативную позицию в отношении союзнических соглашений по Германии занимал К. Аденауэр⁵.

Противники разрядки напряженности в международных отношениях намеренно преувеличивали трудности переговоров и соглашений с СССР, ставили под сомнение вообще компромиссы в решении международных проблем с участием Советского Союза, пытались вызвать недоверие к нему как равноправному партнеру по переговорам и соглашениям, к выполнению взятых им на себя обязательств. Все это должно было служить оправданием отказа западных стран от союзнических обязательств и союзнической политики в Германии. Предвзятое отношение к Советскому Союзу как равноправному участнику в решении послевоенных проблем создавалось среди определенных кругов США вопреки всему опыту внешнеполитической деятельности СССР, строго и последовательно выполнявшего взятые на себя международные обязательства, в том числе и относящиеся к периоду существования антигитлеровской коалиции. О верности Советского Союза принятым обязательствам свидетельствовали в свое время и тогдашние руководители США и Англии — Рузвельт и Черчилль⁶. Видные политические деятели США из ближайшего окружения Рузвельта — Г. Гопкинс, Дж. Дэвис, Э. Стеттиниус, Д. Нельсон — отмечали лояльность СССР к своим союзникам по антигитлеровской коалиции, его готовность вести переговоры со своими партнерами, искать соглашения, идти на компромиссы, scrupulously выполнять взятые на себя обязательства⁷.

Негативный подход к оценке сотрудничества с Советским Союзом в решении германского вопроса и других послевоенных международных проблем явился определяющим фактором в позиции правобуржуазных авторов исторических и публицистических работ в США, Англии, ФРГ и других капиталистических странах. В различных литературных вариациях эти концепции разрабатывали в США представители «академиче-

⁴ J. Kennan. *Memoirs*. 1925—1950. N. Y. 1967, p. 258; J. Spanier. *American Foreign Policy since World War*. N. Y. 1961, p. 31; C. M. Woodhouse. *British Foreign Policy since the Second World War*. L. 1961; H. W. Baldwin. *Great Mistakes of the War*. L. 1950, p. 45; «Survey of International Affairs. 1939—1946. The Realignment of Europe». Ed. by A. and V. M. Toynbee. Oxford. 1955, pp. 17, 18.

⁵ H. S. Truman. *Memoirs*. Vol. I. N. Y. 1965, p. 455; J. Byrnes. *Speaking Frankly*. N. Y. 1947, p. 68; W. Leahy. *I Was There*. N. Y. 1950, p. 429; C. R. Attlee. *As It Happened*. L. 1954, pp. 147, 149; K. Adenauer. *Erinnerungen*. 1945—1953. Stuttgart. 1965, S. 98.

⁶ «Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.». Т. I. М. 1957, стр. 216, 236, 260, 298, 299, 303, 306, 310; т. 2, стр. 52, 53, 72, 122—123.

⁷ Р. Шервуд. Рузвельт и Гопкинс. Глазами очевидца. Т. II. М. 1958, стр. 661—662; E. Stettinius. *Roosevelt and Russians. The Yalta Conference*. N. Y. 1949, p. 6; D. Nelson. *Arsenal of Democracy. The Story of American War Production*. N. Y. 1946, pp. 416—418.

ской» исторической науки, например, С. Бэмис, Т. Бейли, Дж. Перкинс, Ф. Р. Даллес, Г. Дракс и другие историки, придерживающиеся официальной линии в освещении внешней политики США. В Англии с подобных официальных позиций выступали Г. Ситон-Уотсон, К. Вудхауз, У. Хейтер, Д. Доннели⁸. Примером таких работ может служить книга Э. Даллес, проявившей себя последовательной сторонницей политики «отбрасывания коммунизма»⁹. Не случайно ее работа финансировалась Гуверовским институтом войны, революции и мира, снискавшим себе печальную известность идеологического очага «холодной войны». В то время, как ее брат Дж. Ф. Даллес, этот апостол «холодной войны», был вынужден в конце своей жизни признать провал проводившейся им политики «отбрасывания коммунизма» и «политики на грани войны», Э. Даллес упорно продолжает следовать худшим образцам этой политики, не выдержавшей испытания временем.

Но даже и в этих написанных с предвзятых позиций книгах можно найти факты, опровергающие концепции их авторов. Так, Э. Даллес в своей книге, полемизируя с Дж. Кеннаном по вопросу об определении политики в отношении Германии, приводит данные о том, что еще в годы войны начиная с 1942 и по 1945 г. в США разрабатывались основы послевоенной «унификации Европы» в экономическом и политическом планах¹⁰, иначе говоря, основы той самой экспансионистской программы, которую США позже воплотили в «план Маршалла», «Североатлантический пакт» и которая привела к тому, что германский вопрос все больше превращался в объект «холодной войны». Английский автор Ф. Виндзор, произвольно ограничивая содержание понятия «германская проблема», дает ей толкование как составной части политики «холодной войны», изображаемой в виде «конфронтации двух сверхдержав» — США и СССР в борьбе за зоны влияния¹¹. Такой интерпретацией германского вопроса автор, по существу, элиминирует историческое содержание германской проблемы, оставляет в тени вопрос о необходимости проведения антифашистско-демократических преобразований, идею закономерности борьбы прогрессивных сил Германии и народов других стран, в первую очередь стран антигитлеровской коалиции, за создание миролюбивого демократического германского государства.

Влияние штампов «холодной войны» на оценки опыта сотрудничества западных стран с СССР в решении послевоенных проблем налицо и в книгах, вышедших в США в начале 70-х годов. А. Гарриман, в течение десятков лет своей дипломатической службы имевший непосредственное отношение к тому кругу лиц, которые формировали основы внешнеполитического курса США, отмечает последовательность политики Советского Союза в выполнении им своих союзнических обязательств в годы войны. В то же время он подробно описывает, как он весной 1945 г. старался «переориентировать» общественное мнение США в духе вражды к союзнику времен войны — Советскому Союзу, и признает, с каким возмущением его старания встретила американская общественность¹². Ч. Болен, признавая значение советско-американских отношений в решении важнейших международных проблем, произвольно истолковывает

⁸ S. B. Bemis. The United States as a World Power. The Diplomatic History. N. Y. 1955; Th. Bailey. Op. cit.; D. Perkins. The American Approach to Foreign Policy. Englewood. 1955; F. R. Dulles. America's Rise to World Power. N. Y. 1955; H. Drucks. Harry S. Truman and Russians. 1945—1953. N. Y. 1966; H. Seton-Watson. Neither War nor Peace. The Struggle for Power in the Post-War World. L. 1960; C. M. Woodhouse. Op. cit.; W. Hayter. The Diplomacy of the Great Powers. N. Y. 1961; D. Donnelly. Struggle for the World. Cold War from the Origins in 1917. L. 1965.

⁹ E. L. Dulles. One Europe or Two. The Struggle at the Heart of Europe. Stanford. 1970.

¹⁰ Ibid., pp. 231, 232.

¹¹ Ph. Windsor. German Reunification. L. 1969, pp. 1, 2.

¹² A. Harriman. America and Russia in a Changing World. A Half Century of Personal Observation. N. Y. 1971, p. 41.

общеизвестные факты, делает выводы, идущие вразрез с истиной, искажает цели внешней политики СССР, позицию советской дипломатии, в том числе и в германском вопросе¹³.

Многочисленным искажениям подвергалась политика СССР 1945—1949 гг. в германском вопросе в сочинениях западногерманских историков. Фальсификаторские измышления особенно усилились после издания в ФРГ в 1966 г. «Белой книги», основным «документальным источником» которой является выдержанное в духе «холодной войны» правительственное заявление ФРГ от 22 сентября 1955 года. Одним из его главных положений является нелепое утверждение, что «режим» в ГДР якобы не согласуется с волей населения республики и навязан немцам Советским Союзом¹⁴. Историк крайне правого направления Т. Фогельзанг, оценивающий все происшедшее в послевоенной Германии с националистических позиций, объявил ФРГ «критерием нации», а ГДР — «ненормальным антинациональным явлением», «порождением политики Советского Союза»¹⁵. Фальсификаторские упражнения такого характера содержатся также в работах 60-х годов М. Фрейнда, Е. Пихтера, Э. Дойерлейна и других представителей крайне правого направления буржуазной западногерманской историографии, выступающих с позиций антикоммунизма и антисоветизма¹⁶. Однако и в изданной в 1972 г. книге западногерманских историков К. Зонтхаймера и В. Блейка антифашистско-демократические преобразования в восточной части Германии охарактеризованы в духе правительственного заявления 1955 года¹⁷.

Опыт осуществления союзнической политики в Германии на основе сотрудничества СССР и капиталистических государств в решении сложной международной проблемы занимает одно из важнейших мест в исследованиях буржуазных историков германского вопроса. О позиции, которую они разделяют при освещении этих проблем, можно судить по оценке ими опыта согласованных решений четырех великих держав. Историки и публицисты правого направления дают этому опыту негативную оценку. Дж. Дин с предвзятой целью тенденциозно озаглавил свои мемуары «Странный союз» С «легкой руки» Дина советско-американский союз периода войны стал именоваться в буржуазной исторической и политической литературе «странным», иначе говоря, «противоестественным». Тем самым ставилась под сомнение объективная закономерность сотрудничества с Советским Союзом как в борьбе с фашизмом в годы войны, так и в решении проблем послевоенного устройства Европы. Хотя у советских людей и есть основания для критики отношения США и Англии к военно-политическому сотрудничеству с Советским Союзом в годы войны, в СССР никто не считал и не считает его «странным» или «противоестественным». Этот союз был вызван к жизни объективными причинами, настоятельной необходимостью защиты коренных жизненных интересов народов стран антигитлеровской коалиции в борьбе против общего врага — фашизма, объединения усилий народов этих стран во имя спасения их от истребления и порабощения.

Изрядную долю в развитие концепции «несотрудничества» СССР с капиталистическими странами внесли своими мемуарами Трумэн, Черчилль, Бирнс, Даллес, Эттли и другие. Непоследователен в оценках опыта сотрудничества с советскими представителями в системе Союзного

¹³ Ch. Bohlen. The Transformation of American Foreign Policy. N. Y. 1969, p. 87.

¹⁴ «Die Bemühungen der Deutschen Regierung und ihrer Verbündeten um die Einheit Deutschlands 1955—1966». Bonn. 1966, S. 84.

¹⁵ Th. Vogelsang. Das geteilte Deutschland München. 1966.

¹⁶ M. Freund. Deutsche Geschichte. Gütersloh. 1960; E. Pichter. Die DDR-Elite oder unsere Partner von Morgen? Reinbek, Rowohlt. 1968; E. Deuerlein. Deutsche Geschichte der neuesten Zeit von Bismarcks Entlassung bis zur Gegenwart. 3. Teil. Von 1945 bis 1955. Konstanz. 1965.

¹⁷ K. Sontheimer, W. Bleek. Die DDR. Politik. Gesellschaft. Wirtschaft. Hamburg. 1972, S. 28—29.

контрольного совета (СКС) и Д. Эйзенхауэр. В книге «Крестовый поход в Европу» он излагает историю начального этапа деятельности этого органа, рассказывает о своем сотрудничестве с Маршалом Советского Союза Г. К. Жуковым¹⁸ и отмечает деловую обстановку первых заседаний СКС. Когда же он переходит к характеристике причин возникновения разногласий в этом органе, то неизменно пытается возложить на русских ответственность за неудовлетворительную работу СКС, как и всей союзнической четырехсторонней оккупационной администрации, и тем самым обелить действительных виновников прекращения работы Контрольного совета — западные державы. Советские представители, отмечает Г. К. Жуков, делали все от них зависящее, чтобы выполнить решения, принятые на Потсдамской конференции. «Наши коллеги — американцы и англичане — в первое время после конференции также придерживались обязательств, изложенных в решениях конференции. К сожалению, такая политическая атмосфера скоро изменилась. Серьезным толчком к перемене курса явились разногласия на конференции Совета министров иностранных дел в Лондоне. Особенно этому способствовала антисоветская речь У. Черчилля, произнесенная в Фултоне. Администрация Контрольного совета США и Англии, как по команде, стала во всех вопросах менее сговорчивой и по всем принципиальным проблемам начала бесцеремонно срывать проведение в жизнь Потсдамских решений... Чувствовалось, что наши западные военные коллеги получили новые инструкции, вытекающие из враждебной Советскому Союзу политики империалистических кругов США и Англии»¹⁹.

С необъективных позиций излагает историю начального периода работы СКС фельдмаршал Б. Монтгомери. В отличие от Д. Эйзенхауэра, высказывавшего уважительное отношение к Советскому Союзу как союзнику по антигитлеровской коалиции и к его представителям, Монтгомери не скрывает своего недоброжелательства к советским людям, особенно усилившегося после того, как советские представители в СКС указали на неблагоприятные действия возглавлявшейся Монтгомери английской оккупационной администрации. Как выяснилось, в нарушение Потсдамских соглашений англичане сохранили в своей зоне значительные воинские формирования бывшей гитлеровской армии²⁰. В связи с этим Монтгомери пришлось давать объяснения Контрольному совету. Под давлением фактов Монтгомери «вынужден был признать наличие в английской зоне организованных немецких войск, будто бы «ожидавших роспуска или работавших» под его командованием»²¹.

Мемуары Л. Клей, заместителя, а затем главы американской оккупационной администрации в Германии, воспоминания Р. Мэрфи, политического советника этой администрации, мемуары У. Стрэнга, политического советника главы английской администрации, направлены на оправдание оккупационной политики западных держав в Германии. Однако, несмотря на предвзятый антикоммунизм авторов, в их мемуарах содержится ряд признаний, к числу которых следует отнести подтверждение того факта, что сепаратный курс в Германии проводился США и их западными партнерами по оккупации продуманно. Из этих работ следует, что США планомерно, поэтапно, начиная с создания Бизонии, вели подготовку оформления западногерманского государства. Клей подтверждает, что сепаратную денежную реформу в западных зонах оккупации Германии США готовили в то время, когда в СКС велись переговоры относительно общегерманской денежной реформы. Клей признает, что он своими сообщениями в Вашингтон в дни «берлинского кри-

¹⁸ D. Eisenhower. *Crusade in Europe*. Toronto. 1948, pp. 478, 486.

¹⁹ Г. К. Жуков. Воспоминания и размышления. М. 1970, стр. 687—688.

²⁰ «The Memoirs of Field Marshal the Viscount Montgomery of Alamein». L. 1958, pp. 403—405.

²¹ Г. К. Жуков. Указ. соч., стр. 690.

зиса» 1948 г. усиливал напряженность отношений между США и СССР, намекая на возможность вооруженного конфликта между ними из-за Западного Берлина²². Подобного рода признания можно найти и в мемуарах Р. Мэрфи²³.

Сторонники надуманной концепции «несговорчивости», «несотрудничества» Советского Союза предпочитают умалчивать об имевших место расхождениях между США и Англией в период подготовки союзнической программы решения германского вопроса. Тем не менее и в книгах, изданных в США и Англии, встречаются факты и материалы, подтверждающие наличие серьезных разногласий между этими странами. Таковы мемуары У. Стрэнга и воспоминания сотрудника госдепартамента Ф. Мосли. Оба они, работавшие в годы войны в ЕКК, признают наличие разногласий (Мосли пишет даже об «острых» разногласиях) между США и Англией по вопросам о полномочиях ЕКК и о зонах оккупации в Германии. Англия стремилась расширить полномочия ЕКК, придать ей не предусмотренную союзниками функцию определения основ послевоенного устройства, включая подготовку расчленения Германии²⁴. США, считаясь с позицией Советского Союза, не были склонны расширять функции и полномочия ЕКК. Острые разногласия между США и Англией возникли по вопросу о том, в чьей зоне окажутся Рур и Рейнская область. Однако если Стрэнг стремится объяснить эти расхождения несогласованностью политики в руководящих кругах Вашингтона, то Мосли отмечает стремление Англии вести политическую игру, не считаясь с интересами Советского Союза, США и других своих союзников²⁵. Позднейшие публикации документов подтверждают наличие подобных разногласий²⁶.

Вслед за высокопоставленными американскими и английскими мемуаристами негативную оценку опыта сотрудничества капиталистических стран с СССР в составе антигитлеровской коалиции и во время союзнической оккупации Германии высказывают буржуазные историки правого направления. Так, известные апологеты политики «холодной войны» американские реакционные историки Р. Страус-Хюпе и С. Поссоны вопреки историческим фактам стремятся переложить с западных держав на Советский Союз ответственность за срыв осуществления Потсдамских соглашений в Западной Германии. Эти авторы, как и английские консервативные историки М. Бальфур, К. Вудхауз, утверждают, что якобы Советский Союз нарушил Потсдамские соглашения и тем самым вынудил западных союзников отказаться в порядке самозащиты от своих обязательств. Более того, по мнению некоторых из названных авторов, США изменили свое отношение к союзническим соглашениям, принятым с участием СССР, несвоевременно, со значительным опозданием, виной чему была «непрактичность» политики США «в силу юридического и абстрактного мышления»²⁷ американских политических деятелей. Некоторые авторы концепции «неподготовленности» США к решению послевоенных международных проблем обосновывают ее тем, что Рузвельт и его ближайшие советники якобы руководствовались «идеалистическими целями», а «русские материалисты» оказались сильнее их на международных конференциях, в том числе и по германскому вопросу²⁸. В 40-х — начале

²² L. Clay. *Decision in Germany*. N. Y. 1950, pp. 78, 79, 89, 130, 131, 174, 177, 180—183, 204—206, 359, 375, 377.

²³ R. Murphy. *Diplomat among Warriors*. N. Y. 1964, pp. 313, 315, 317.

²⁴ W. Strang. *Home and Abroad*. L. 1956, p. 214.

²⁵ Ph. Mosely. *The Kremlin and World Politics*. N. Y. 1960, pp. 167, 168, 170, 178—180.

²⁶ «Foreign Relations» (Washington), 1944, vol. I, pp. 184, 211, 229, 764.

²⁷ R. Straus-Hupe, S. Possony. *International Relations in the Age of Conflict between Democracy and Dictatorship*. N. Y. 1954, p. 195.

²⁸ H. Morgenthau. *Op. cit.*, p. 97; R. Pogue. *Yalta in Historical Retrospect*. In: «Major Problems in American Diplomatic History». Documents and Readings. Vol. II. Ed. by M. Smith. Colorado. 1964, pp. 563, 564.

50-х годов чрезвычайно распространенным было объяснение «неподготовленности» американской политики в Германии «зловредным влиянием» на Рузвельта министра финансов США Г. Моргантау, якобы навязавшего США нереалистическую политику в отношении побежденной Германии.

Эта точка зрения получила развитие в брошюре Л. Брауна, президента корпорации «Джонс — Мелвилл», выражавшего интересы руководящих кругов американского большого бизнеса и специально изучавшего в 1947 г. положение дел в Германии. Свои оценки оккупационной политики и рекомендации он изложил в документе, получившем претенциозное наименование «план Брауна». Его записка была внимательно рассмотрена в госдепартаменте и военном министерстве США. Ведущие газеты и радио уделили ей большое внимание, затем она была опубликована отдельной брошюрой²⁹. Браун подверг резкой критике основы союзнической политики в Германии и, в частности, целесообразность Ялтинско-Потсдамской программы. Особенно резким его нападкам подвергались демилитаризация и денацификация Германии, которые он объявил «порождением плана Моргантау». «Как репарации, так и денацификация представляют собой негативный аспект политики разрешения германского вопроса»³⁰, — утверждал он. Основную ошибку американской политики в Германии Браун усмотрел в факте сотрудничества с Советским Союзом в годы войны и после ее окончания.

«Ревизионистские» идеи в отношении совместных действий союзников в Германии, высказанные Брауном, получили развитие в работах других буржуазных авторов. Примером может служить книга американского публициста Г. Габе. Он считает ошибочной союзническую оккупационную политику в Германии. По его мнению, не нужно было доводить войну до безоговорочной капитуляции Германии, дабы не создавать в ней «политического вакуума», иначе говоря, не следовало ослаблять позиции реакционных кругов и открывать возможности для укрепления позиций прогрессивных сил Германии. По той же причине Габе не согласен с Нюрнбергским процессом, с денацификацией Германии в той форме, как она была определена Потсдамскими соглашениями. Основной ошибкой американской политики в Германии он считает сотрудничество с СССР в решении германского вопроса и в осуществлении союзнической оккупации Германии³¹.

Необъективная оценка опыта сотрудничества капиталистических стран и Советского Союза в германском вопросе, как и в решении проблем послевоенного устройства вообще, содержится в работах ряда историков консервативного направления: американских — А. Рубинштейна, Ф. Уитнера, Дж. Спаньера; английских — К. Вудхауза, Д. Арнольда, М. Бальфура, Д. Доннели, Дж. Макинтоша и других³². Между тем концепция «незрелости», «неподготовленности» внешней политики США к решению международных проблем, и в частности германского вопроса, опровергается работами самих буржуазных авторов, в том числе и правого направления, включая авторов мемуаров. Так, Дж. Ф. Даллес сообщает, как тщательно заранее планировался бесплодный исход Московской сессии Совета министров иностранных дел 1947 г., на которой рассматривались и должны были быть решены вопросы послевоенного устройства Германии. Даллес сообщает, что на пути в Москву американская делегация на два дня остановилась в Берлине, где государственный

²⁹ L. Brown. A Report on Germany. N. Y. 1974.

³⁰ Ibid., pp. 8—9.

³¹ H. H a b e. Our Love Affair with Germany. N. Y. 1953.

³² «The Foreign Policy of the Soviet Union». Ed. by A. Rubinstein. N. Y. 1960; F. W i t n e r. The Yalta Betrayal. N. Y. 1953; J. S p a n i e r. World Politics in an Age of Revolution. N. Y. 1967; C. M. W o o d h o u s e. Op. cit.; D. A r n o l d. The Pattern of World Conflict. N. Y. 1955; M. B a l l f o u r and J. M a y e r. Four-Power Control of Germany and Austria. 1945—1946. Oxford. 1956; D. D o n n e l y. Op. cit.; J. M a c k i n t o s h. Strategy and Tactics of Soviet Foreign Policy. L. 1962.

секретарь США Дж. Маршалл провел «политическое совещание» по германскому вопросу. «Мы обсудили подготовленный мной меморандум, в котором анализировалось положение в Европе,— пишет Даллес.— ...В этом меморандуме я приходил к выводу; что «европейское урегулирование должно сводиться прежде всего к солидаризации и укреплению Западной Европы»³³. Фактически это означало активизацию политики «интеграции» Западной Европы под американской эгидой.

В книгах буржуазных авторов, включая мемуары высокопоставленных деятелей того времени, можно найти массу других свидетельств того, что отказ западных держав от осуществления согласованной союзнической программы в Германии — результат целенаправленной политики³⁴, преследовавшей цель превращения Западной Европы, включая Западную Германию, в единый военно-политический блок. Без Западной Германии такой блок считался немыслимым. Подобная политика западных держав не могла не усиливать агрессивные замыслы западногерманских реваншистов и милитаристов. «Государственные институты ФРГ, после их создания в августе 1949 г.,— свидетельствует Э. Даллес,— имели намерение распространить свои права и на восточные территории», то есть на Восточную Германию³⁵. О последовательном развитии политики США, направленной на государственное отделение Западной Германии в указанных целях, сообщает американский историк Дж. Джимбел, широко использовавший архивы военного министерства США, американской оккупационной администрации в Германии, западногерманские архивы. Он не согласен с теми, кто утверждает, что политика США в отношении Германии была неопределенна, противоречива, непродуманна, что все отрицательные результаты деятельности американской оккупационной администрации в Германии объясняются влиянием идей Моргантау. Джимбел считает, что политика США в Германии преследовала широкий диапазон целей. Не отрицая, что часть их некоторое время определялась союзническими соглашениями (денацификация, демократизация), он подчеркивает, что доминирующими являлись особые цели США, важное место среди которых занимали: сохранение в Германии капиталистического строя, «противодействие распространению социализма и коммунизма»³⁶.

Книга Джимбела содержит убедительные свидетельства развития антисоюзнической политики США в Германии. Директива № 1067 (апрель 1945 г.) Объединенного комитета начальников штабов США Эйзенхауэру, содержавшая положения, соответствующие согласованным союзническим решениям, была встречена в штыки генералом Л. Клеем и его многочисленными единомышленниками в оккупационной администрации. Джимбел выясняет прямую связь событий — от начала саботажа Потсдамских соглашений до известной речи государственного секретаря Дж. Бирнса в Штутгарте в марте 1946 г., в которой содержалась уже открытая ревизия этих соглашений³⁷. Книга этого американского буржуазного историка показывает, что формирование зональных органов управления и земельных правительств в американской зоне оккупации происходило с прицелом на федерализацию Германии. Подготовка отделения западных зон велась с самого начала 1946 года. Создатели Бизонации рассчитывали, что она превратится в «магнит», который притянет к

³³ J. F. Dulles. War or Peace. N. Y. 1950, p. 102.

³⁴ «После того, как президент Трумэн и его советники,— пишет американский исследователь Дж. Гэддис,— повернули к жесткому курсу в отношении Советского Союза, американские представители на сессиях Совета министров иностранных дел и на Мирной Парижской конференции 1946 г. стали оказывать решительное сопротивление советским предложениям» (J. Gaddis. The United States and the Origin of the Cold War. 1941—1947. N. Y. 1972, p. 317).

³⁵ E. L. Dulles. Op. cit., p. 102.

³⁶ J. Gimbel. The American Occupation of Germany. Politics and the Military. 1945—1949. Stanford. 1968, pp. XIII, 249.

³⁷ Ibid., p. 29.

себе и две другие зоны оккупации, в особенности Восточную Германию³⁸. Факты, приведенные Джимбелом, подтверждают, что правящие круги США заняли твердую позицию государственного отделения западных зон после того, как убедились, что Бизония не стала «магнитом», способным поглотить восточную часть Германии. Главную задачу американской политики на Московской сессии Совета министров иностранных дел Маршалл видел поэтому в том, чтобы оказать сопротивление советским предложениям по германскому вопросу. По заключению Даллеса, это была главная предпосылка осуществления плана превращения Западной Германии в самостоятельное государство³⁹. Политика США в Германии, пишет Джимбел, определялась в большей степени их интересами, чем целями демократизации Германии. Там, где демократизация входила в противоречие с этими интересами, предпочтение отдавалось их защите⁴⁰.

Под видом «объективного» изложения исторических событий некоторые буржуазные историки развивают концепцию «равной ответственности» США и СССР за «холодную войну», за прекращение союзнического сотрудничества в Германии. Эта концепция нашла свое отражение в работах А. Тойнби, Г. Файса, К. Ингрэма и других⁴¹. В то же время в книгах сотрудников американской администрации Г. Зинка, Х. Холборна, К. Фридриха, Е. Плишке, С. Падовера, Ф. Дэвиса, Ф. Тейлора, Р. Брабанти, Дж. Кларка и сотрудника английской администрации У. Фридмана⁴² содержится значительное число фактов, свидетельствующих о нежелании оккупационных властей западных зон выполнять союзнические соглашения о демократической перестройке общественной жизни Германии. Они не критикуют официальную политику западных держав в Германии, но вместе с тем оперируют такими данными, которые наглядно показывают, как сопротивлялись сотрудники оккупационных администраций западных зон осуществлению демократизации, денацификации Германии. В их книгах содержатся далеко не лестные характеристики оккупационного персонала западных зон, включая руководителей администрации.

В работах многих американских авторов, особенно тех, которые считались с изменениями в международных отношениях, оценки и рекомендации по германскому вопросу менялись по мере того, как эволюционировал сам этот вопрос. К этой группе можно отнести У. Липпмана, М. Шульмана, Ф. Мосли, О. Бутца, в известном отношении — Дж. Кеннана. Эти и другие историки, не выходя за рамки официальных оценок внешнеполитического курса США в целом, но учитывая изменившуюся обстановку в мире, искали новые, соответствующие ей методы его осуществления. Так, У. Липпман еще в 1947 г. выдвигал идею — изолировать

³⁸ «С началом «холодной войны», — отмечает Дж. Гэддис, — американские официальные лица в Германии начали втихомолку осуществлять расчленение страны, предпочитая расчлененную Германию объединенной Германии, но находящейся под советским контролем» (J. Gaddis. Op. cit., p. 317). Иначе говоря, западные державы не хотели, чтобы единая Германия превратилась в демократическое миролюбивое государство, стоящее вне империалистических военно-политических блоков.

³⁹ J. G i m b e l. Op. cit., pp. 112, 120, 121.

⁴⁰ Ibid., p. 249.

⁴¹ «Survey of International Affairs, 1939—1946. The Realignment of Europe»; H. F e i s. Between War and Peace. The Potsdam Conference. Princeton. 1960; K. I n g r a m. History of the Cold War. N. Y. 1953.

⁴² H. Z i n k. American Military Government in Germany. N. Y. 1974; e j u s d. The United States in Germany. 1944—1955. N. Y. 1957; E. P l i s c h k e. History of Allied High Commission for Germany. N. Y. 1951; S. P a d o w e r. Experiment in Germany. N. Y. 1946; F r. D a v i s. Come as a Conqueror. The United States Army's Occupation of Germany. 1945—1949. N. Y. 1967; H. H o l b o r n. American Military Government. Its Organization and Policies. Washington. 1947; C. F r i e d r i c h and associates. American Experiences in Military Government in World War II. N. Y. 1948; Th. T a y l o r and R. B r a i b a n t i. Administration of Occupied Areas. A Study Guide. Syracuse. 1948; G. C l a r k. Again the Goose Step. N. Y. 1949; W. F r i e d m a n. The Allied Military Government of Germany. L. 1947.

Советский Союз от Европы, добиться ухода его войск из Европы, а следовательно, и из Германии. Таким образом, модернизируя на свой лад «холодную войну», он рассчитывал воспрепятствовать росту влияния СССР⁴³. Позже он, однако, неоднократно выступал против передачи ФРГ атомного оружия и за мирное урегулирование отношений между двумя немецкими государствами. О. Бутц пришел к выводу, что германский вопрос нужно урегулировать путем международного соглашения, а не путем конфронтации двух социальных систем. Предложение о нормализации отношений между ГДР и ФРГ поддерживал видный политический деятель США У. Фулбрайт. За поиски путей урегулирования европейских проблем, включая германский вопрос, высказывался также А. Гарриман⁴⁴.

Определенная эволюция в оценке германского вопроса наблюдается и у таких консервативных историков и публицистов, как З. Бжезинский и Г. Моргентау. Волей-неволей им пришлось признать провал таких целей «холодной войны», как установки на «отбрасывание социализма» в Германии и ликвидацию ГДР. Но учет опыта прошлого потребовался им для поисков таких рекомендаций, которые бы сохраняли конфронтацию ФРГ и социалистических государств, ФРГ и ГДР. По мнению З. Бжезинского, основное направление внешнеполитической стратегии США в условиях провала политики «холодной войны» и развития тенденций к мирному урегулированию отношений между государствами двух систем должно состоять в сколачивании объединенного фронта капиталистических стран как силы, противостоящей социалистическим государствам, прежде всего в Европе.

Г. Моргентау полагает, что США не удержали своих позиций в конфронтации с СССР в германском вопросе, как и в других вопросах послевоенных международных отношений. Он считает «невыгодными» для США соглашения СССР и других социалистических государств с ФРГ, в результате которых были урегулированы важные вопросы послевоенного устройства⁴⁵.

Западногерманские историки правого направления, руководствуясь теми же методологическими установками, что и реакционные историки США и Англии, в своих оценках опыта союзнической оккупации Германии исходят из требований прозападной «интеграционной» политики. Прибегая к аргументам и идеям реакционной прусской историографии, они пытаются обосновать противоречащий фактам тезис, что после второй мировой войны немецкий народ в своем подавляющем большинстве якобы не желал «ни внутренних революционных действий, ни достойных упоминания эволюционных реформ»⁴⁶. Подобно тому, как об этом писали буржуазные историки США и Англии, западногерманские правые авторы на первый план выдвигают тезис о «противоестественности» союза западных держав с СССР и неправомерности и необязательности на этом основании совместных решений участников антигитлеровской коалиции, особенно принятых в первый период существования СКС. Главный огонь при этом направляется против Потсдамских решений, объявляемых источником и причиной всех зол. Это несостоятельное утвержде-

⁴³ W. Lippman. The Cold War. A Study of U.S. Foreign Policy. N. Y. 1947, pp. 10, 28, 40, 44, 45.

⁴⁴ O. Butz. Germany: Dilemma for American Foreign Policy. N. Y. 1954, pp. 54—56; У. Фулбрайт. Самонадеянность силы. М. 1967, стр. 24; А. Гарриман. *Op. cit.*, p. 187. См. также: «США — экономика, политика, идеология», 1971, № 4, стр. 82—83; M. Shulman. Toward Western Philosophy of Coexistence. «Foreign Affairs», October 1973, pp. 38, 56, 57; Ph. Mosely. *Op. cit.*; J. Kennan. After the Cold War. American Foreign Policy in the 1970's. «Foreign Affairs», October 1972, p. 214.

⁴⁵ Z. Brzezinski. U. S. Foreign Policy: Search for Focus. «Foreign Affairs», July 1973, pp. 722—725; H. Morgenthau. Changes and Chances in American-Soviet Relations. «Foreign Affairs», April 1971, pp. 432, 436, 439.

⁴⁶ Th. Vogelsang. *Op. cit.*, S. 162.

ние в наиболее ясной форме выражено в работах Э. Дойерлейна. Следуя за Аденауэром, объявившим в 1946 г. Потсдамские соглашения основой «послевоенных бедствий», ведущий западногерманский буржуазный историк правого направления Г. Ротфельс выдвинул в 1955 г. тезис, согласно которому «Потсдам явился отправной точкой многих бед и опасностей для Германии в течение последних 10 лет». Дойерлейн привел это высказывание Ротфельса и солидаризировался с ним⁴⁷.

В развитие того же тезиса о «неестественности» союза и сотрудничества буржуазных государств с Советским Союзом в годы второй мировой войны некоторые современные западногерманские историки, фальсифицирующие германскую историю 1945—1949 гг. (например, Г. П. Шварц), предприняли попытку «подправить», «модифицировать» тезис реакционной пропаганды о намерениях СССР «завоевать всю Европу» своеобразной вспомогательной конструкцией о наличии некоей переходной фазы советской политики, охватывающей по их схеме 1945—1947 годы. Суть этой переходной фазы, согласно Шварцу, состоит в наличии «нескольких советских концепций», поочередно, в зависимости от складывавшейся обстановки, применявшихся для достижения неизменной конечной цели. Образчиком словесной эквилибристики такого рода может служить следующая фраза из книги Шварца: «Многое вынуждает нас к предположению, что втайне Советский Союз стремился к подчинению Европы, но окончательной ясности в этом вопросе еще не имеется». Эта нарочитая неопределенность в оценке позиции СССР не помешала тому же Шварцу приписать Советскому Союзу намерение «осуществить агрессию в Европе, прежде всего в отношении Германии», а борьбу Советского Союза за единую миролюбивую демократическую Германию и за создание единых для всей страны демократических партий изобразить как стремление к достижению этой цели⁴⁸. Такими же бездоказательными построениями отличается книга другого западногерманского историка крайне правого направления, Г. Зюндермана⁴⁹.

Значительное распространение в западногерманской исторической литературе правого направления получила версия о «всевластии оккупационных держав» и о полном отсутствии немецкой инициативы и немецкой политики в 1945—1949 годах. Так, реакционный западногерманский историк М. Фрейнд утверждает, будто «Германии больше не было... Глухо и безучастно немецкий народ воспринимал происходящие события»⁵⁰. По утверждению Э. Дойерлейна, Германия выступала лишь как «объект политики мировых держав», в условиях, когда «не существовало никакой немецкой политики»⁵¹.

Реакционные западногерманские историки не скрывают своего одобрения в отношении политики невыполнения западными оккупационными державами Потсдамских соглашений, отхода их от сотрудничества с Советским Союзом в германском вопросе. Единодушно в этой связи ими расхваливались «план Маршалла», создание Бизонии и Тризонии. Как правило, они замалчивают действия и подлинные намерения народных масс в западных зонах, их требования о проведении антифашистско-демократических преобразований по примеру Восточной Германии, антимо-

⁴⁷ E. Deuerlein. Die deutsche Frage auf der Konferenz von Potsdam. In: «Das Parlament». Beilage «Aus Politik und Zeitgeschichte», 25.VIII.1965; e j u s d. Deutsche Geschichte der neuesten Zeit... 3. Teil, S. 28.

⁴⁸ H. P. Schwarz. Vom Reich zur Bundesrepublik. Deutschland in Widerstreit der aussenpolitischen Konzeption in den Jahren der Besatzherrschaft 1945—1949. (West-) B. 1960, S. 248, 619.

⁴⁹ H. Sündermann. Potsdam 1945. Ein kritischer Bericht. Leni am Starnberger See. 1962, S. 15.

⁵⁰ M. Freund. Op. cit., S. 763.

⁵¹ E. Deuerlein. Die Einheit Deutschlands. Die Erörterungen und Entscheidungen der Kriegs- und Nachkriegskonferenzen 1946—1949. Darstellung und Dokumente. Bd. I. Frankfurt am Main — (West-) B. 1961, S. 178, 278.

нополистические решения ландтагов, референдум в Гессене о национализации имущества нацистских руководителей и военных преступников (декабрь 1946 г.) и другие проявления активности народных масс. Искажая суть, закономерность революционно-демократических преобразований в Восточной Германии, они истолковывают их в духе версии о ее «принудительной советизации». В числе аргументов этих историков можно встретить и заявления о «преждевременности» создания центральных немецких органов в советской зоне оккупации, и ссылку на «непродуманность» и «опрометчивость» аграрной реформы, и выдумки о том, что СССР путем декретирования осуществил национализацию «всего индустриального потенциала зоны»⁵². Эти и им подобные утверждения подчас опровергаются самими же западногерманскими авторами. Так, некоторые из них соглашались с тем, что формирование зональных немецких управлений могло бы стать предпосылкой для создания общегерманских центральных органов. Другие признают, что проведенные в советской зоне мероприятия «не так уж далеки от первоначально задуманного союзниками урегулирования германской проблемы»⁵³.

Многие западногерманские буржуазные и реформистские авторы правого направления игнорируют важные факты, развенчивающие их несостоятельные утверждения. Нельзя, например, найти в их работах осуждение того факта, что еще в октябре 1945 г. Советская Военная Администрация в Германии (СВАГ) предоставила немецким зональным и провинциальным властям законодательные полномочия. Полностью замалчивают они и такой факт, как референдум в Саксонии по вопросу об отчуждении имущества нацистских руководителей и военных преступников, проведенный по инициативе и при активном участии широких народных масс. В ряде работ фальсифицируются демократическая земельная реформа в Восточной Германии и меры помощи СВАГ немецкому крестьянству в восстановлении и развитии сельского хозяйства зоны, говорится о «несовместимости» интересов рабочего класса и крестьянства. Революционно-демократические преобразования в сельском хозяйстве восточной части Германии авторы ряда книг пытаются представить как нечто чуждое жизненным интересам немецкого народа⁵⁴. Выступающий с проимпериалистических социальных и философских позиций, Э. Крауткремер бездоказательно утверждает, что демократическая земельная реформа в Восточной Германии «создала одну из предпосылок для раскола Германии»⁵⁵. Вместе с тем он, а до него другой правобуржуазный историк Х. Дунке вынуждены были признать, что демократическую земельную реформу в конечном счете приветствовало население Восточной Германии, поскольку она «устранила несправедливое распределение земли». Х. Дунке признает действенность выдвинутого КПГ лозунга «Помещицы земли — в руки крестьян!»⁵⁶.

Большое внимание в работах западногерманских буржуазных историков уделяется вопросу о причинах раскола Германии. Большинство из них стремится переложить ответственность за него на Советский Союз. Таковы книги уже упомянутых историков Г. П. Шварца и Э. Дойерлейна⁵⁷. Почти все западногерманские буржуазные историки так или иначе

⁵² E. Deuerlein. Deutsche Geschichte der neuesten Zeit... 3. Teil, S. 109.

⁵³ «Unbewältigte Vergangenheit», S. 198, 224.

⁵⁴ H. Ruhmland. Mitteldeutschland—Moskaus westliche Provinz. Stuttgart. 1959, S. XI, 222 ff.; H. Apel. Spaltung. Deutschland zwischen Vernunft und Vernichtung. (West-) B. 1966, S. 161; «Handbuch des Weltkommunismus». Freiburg—München. 1958, S. 425—443.

⁵⁵ E. Krautkrämer. Deutsche Geschichte nach dem 2. Weltkrieg. Eine Darstellung der Entwicklung von 1945 bis 1949 mit Dokumenten. Hildesheim. 1962. S. 65—69.

⁵⁶ H. Duhnke. Stalinismus in Deutschland. Die Geschichte der Sowjetischen Besatzungszone. Köln. 1955, S. 114—115; E. Krautkrämer. Op. cit., S. 70.

⁵⁷ H. P. Schwarz. Op. cit., S. 425, 503 ff.; E. Deuerlein. DDR. Geschichte und Bestandaufnahme. München. 1966, S. 19 ff.

касаются проблемы возникновения двух германских государств. В работах подавляющего большинства этих авторов формирование федерального западногерманского государства трактуется как якобы отвечающее интересам всего немецкого народа, а возникновение Германской Демократической Республики изображается как незаконное и противоречащее «историческим традициям» и интересам немецкой нации. К числу первых работ такого рода относятся издания типа книги К. Штерна⁵⁸, написанной в духе антикоммунизма и, по сути дела, представлявшей собой угодливые комментарии к политическому курсу К. Аденауэра и К. Шумахера. Однако авторы и более поздних работ стоят в основном на тех же позициях, хотя и выдают себя за объективных исследователей, используя с этой целью терминологическую «модификацию», более завуалированные формулировки, сочетаемые с демагогической фразеологией.

Особой фальсификации подвергалась в западногерманской буржуазной и реформистской литературе история возникновения ГДР. В работах Дойерлейна утверждается, что Советский Союз «целеустремленно и заблаговременно» подготавливал «создание восточногерманской государственности». Автор совершенно игнорирует такую объективную закономерность, как антиимпериалистическая борьба народных масс Германии, стремившихся к созданию единого демократического государства. То, что эта борьба привела к успеху только в восточной части страны, вовсе не значило, что она была направлена лишь на создание восточногерманского государства. Народ энергично выступал за единство страны, за ее демократическое обновление, но осуществлению этих целей препятствовала политика западных держав и реакционных реваншистских сил в Западной Германии, стремившихся воссоздать империалистическую, милитаристскую Германию.

Пытаясь как-то объяснить сепаратистскую политику западных держав, завершившуюся в 1949 г. оформлением ФРГ, западногерманские историки изобрели версию о мнимой правомерности «пути от рейха к федеративной республике» в том виде, в каком она возникла в Западной Германии. Различие между ними состоит только в деталях обоснования сепаратной политики и в определении времени начала ее применения. Так, если для Г. Ротфельса и В. Вагнера «идея разделения» страны и «его неизбежность» созрели уже в 1945 г., то, по Дойерлейну и некоторым другим авторам, в 1945 г. шел лишь скрытый, глубинный процесс, проявившийся значительно позднее. У Шварца этот глубинный процесс стал политической реальностью в 1947 году. Если Шварц открыто оправдывает политику раскола Германии, то Ротфельс облачает свою апологию этого курса западных держав в более завуалированную форму, когда пишет, что «раздел Германии по отношению к возможности ее единства на основе Потсдамских соглашений не самое худшее»⁵⁹. Несмотря на это, определенную ценность представляют те места в работах указанных и других западногерманских историков, где подтверждаются «целеустремленность» политики Аденауэра и Шумахера, их активная и преднамеренная деятельность, направленная на осуществление раскола Германии, их согласие с политикой оккупационных властей западных держав и западногерманской буржуазии⁶⁰. Ряд западногерманских историков (прежде всего Шварц) пытается представить образование ФРГ чем-то вроде первого шага к воссозданию единого германского государства. Однако уже при ближайшем рассмотрении становится ясным, что «объединительная» политика в понимании этих историков идентична аннексии

⁵⁸ C. Stern. Porträt einer bolschewistischen Partei. Funktion und Situation der SED. Köln. 1957, S. 7.

⁵⁹ H. Rothfels. Zeitgeschichtliche Betrachtungen. Vorträge und Aufsätze. Göttingen. 1959, S. 250.

⁶⁰ См. W. Vogel. Westdeutschland 1945—1950. T. I. Koblenz. 1956, S. 30.

Восточной Германии. Выдавая истинный смысл этой версии, один из директоров бывшего «Стального треста» говорил еще до возникновения ФРГ, что восточная зона может быть «возвращена Германии» только при помощи войны ⁶¹.

Однако среди западногерманских историков есть и такие, в работах которых в той или иной форме подвергается критике прямолинейная апология политики западных держав и содержится призыв исходить при оценке положения в Германии в 1945—1949 гг. из «реального опыта». Таковы, в частности, статьи В. Вагнера ⁶², а также некоторых других западногерманских буржуазных историков. Представляет определенный интерес с этой точки зрения книга западногерманского дипломата В. Грeve, хотя он и выступает в целом с антисоветских позиций. Грeve пишет, что именно американцы и англичане выдвигали идею расчленения Германии начиная с 1941 г., но не могли претворить ее в жизнь вследствие разногласий, существовавших по этому вопросу между державами — участницами антигитлеровской коалиции. Касаясь в этой связи Потсдамской конференции, Грeve отмечает, что Трумэн прибыл в Цецилиенхоф с новым предложением о расчленении Германии, но вынужден был отказаться от него, встретив сопротивление представителей СССР и Англии ⁶³. Констатируя это, он, однако, умалчивает о том, какими мотивами руководствовались эти державы, отклоняя предложение Трумэна. Если Советский Союз исходил из задач, поставленных в совместных решениях трех держав, то Англия руководствовалась политикой антисоветизма и антикоммунизма. Грeve считает «кульминацией» политики раскола Германии позицию западных держав в Ялте. На самом деле, как известно, решающей вехой на пути к расколу было создание сначала Бизонии, а затем Тризонии. Несмотря на эти и другие ошибочные оценки и выводы, книга Грeve содержит материалы, помогающие объективному освещению некоторых исторических фактов и событий.

Ряд книг западногерманских историков посвящен проблеме Западного Берлина. Подобно другим аспектам германской проблемы, история возникновения Большого Берлина, его раскол и возникновение Западного Берлина подвергаются в западногерманской литературе многочисленным искажениям. Главное, в чем сходятся многие буржуазные и реформистские авторы, состояло в утверждениях о «закономерности» включения Западного Берлина в состав Западной Германии. Эту версию реакционные западногерманские историки пытались «обосновать» путем фальсификации истории вопроса и применения псевдонаучных «правовых» отсылок и софизмов ⁶⁴. Вместе с тем появлялись и такие книги, в которых предложения ГДР по проблеме Западного Берлина характеризовались как целесообразные с точки зрения жизненных экономических интересов восточной части Германии ⁶⁵.

По мере перехода западногерманских правящих кругов от политики восстановления политических и экономических позиций монополистического капитала к «мировой политике», к активизации своей внешнеполитической деятельности, в исторической литературе ФРГ получали все большее распространение идеи пангерманизма, методологической осью

⁶¹ «Das Nauheimer Protokoll. Diskussionen über die Neutralisierung Deutschlands». Würzburg. 1950, S. 66 ff.

⁶² W. Wagner. Die Spaltung Deutschlands. In: «Die politische Meinung». Köln. 1948, S. 22, 23.

⁶³ W. G. Grewe. Deutsche Aussenpolitik der Nachkriegszeit. Stuttgart. 1960, S. 48.

⁶⁴ P. Wolfgang. Kampf um Berlin. München—Wien. 1962; «Die Westberlinfrage und die Vorschläge der Regierung zu ihrer Lösung. Mit Dokumenten». (West-) B. 1960; S. Mampel. Der Sowjetsektor von Berlin. Eine Analyse seines äusseren und inneren Status. Frankfurt am Main—(West-) B. 1962, S. 22 ff.

⁶⁵ См.: H. Apel. Wehen und Wunder der Zonenwirtschaft. Köln. 1966, S. 110; H. Schwenninger. Die Teilung Deutschlands als soziale Herausforderung. Freiburg. 1967, S. 113.

которых был национализм и великодержавный шовинизм, прикрываемый реакционной теорией «непрерывности немецкой истории», включающей в это понятие и нацистскую диктатуру 1933—1945 гг. и режим, установленный в западных зонах оккупации⁶⁶. Пангерманизм прикрывался при этом концепцией западноевропейского сообщества. Основоположителем концепции необходимости «интегрирования» Западной Германии в «сообщество» капиталистических государств Запада и приобщения ее таким образом к «мировой политике» являлся Аденауэр⁶⁷. В дальнейшем эти установки легли в основу многих работ западногерманских историков и публицистов, написанных с позиций антикоммунизма и антисоветизма и преследующих цель так или иначе принизить значение решающего вклада СССР в дело победы над фашистской Германией. Таковы книги Г. Левенштейна, М. Фрейнда, А. Улига, П. Зете и других⁶⁸. В этих работах есть и надуманные утверждения о том, что советские оккупационные власти якобы «пытались свести на нет немецкую историю, немецкую культуру, христианский образ мыслей»⁶⁹, и сетования на «трагедию вето», то есть на принцип единогласия в СКС, который лишил возможности западные державы навязывать Советскому Союзу неприемлемые для него и для дела мирного урегулирования германской проблемы решения, и несогласие с решением СКС о ликвидации Прусского государства, и одобрение поджигательской речи Черчилля в Фултоне, приводимой в подтверждение требований включения Западной Германии в «европейское сообщество», и констатация того, что возникшее в 1949 г. западногерманское государство является не каким-то новым государственным образованием, а всего лишь продолжением нарушенного исходом войны государственного развития Германии.

Историки и публицисты правого направления считают «неудачной» оккупационную политику западных стран, поскольку она не смогла воспрепятствовать антифашистско-демократическим преобразованиям в Восточной Германии, образованию ГДР и ее превращению в неотъемлемую часть мировой социалистической системы. Признавая провал демилитаризации, денацификации, демократизации Западной Германии, эти авторы не очень сетуют по этому поводу. Основным же «успехом» оккупационной политики западных держав они считают сохранение в Западной Германии капиталистического строя, вовлечение ФРГ в систему военно-политических блоков капиталистических стран. «Нейтрализованная единая Германия невыгодна Западу. Выгоднее иметь Западную Германию в НАТО, чем объединенную, но нейтральную Германию», — писал, например, американский историк Г. Робертс⁷⁰. «Политика западных держав ставила своей главной целью предотвратить выпадение Западной Германии из Североатлантического союза, потому что такое выпадение могло привести к нейтрализации этой страны и как следствие к ослаблению обороны Западной Европы», — констатирует другой американский историк, Н. Гребнер⁷¹. Сожалая по поводу того, что не удалось «интегрировать», иначе говоря, поглотить, ГДР, буржуазные историки, однако, все чаще приходят к выводу о неосуществимости подобного рода агрессивных замыслов⁷².

⁶⁶ A. W. Uhlig. Hat die SPD noch eine Chance? München. 1956, S. 79.

⁶⁷ K. Adenauer. Op. cit.

⁶⁸ H. Löwenstein. Deutschlands Schicksal 1945—1947. Bonn. 1957, S. 66 ff.; M. Freund. Op. cit., S. 1519, 1520 ff.; A. Uhlig. Op. cit., S. 79 ff.; P. Sehte. Geschichte im letzten Jahrhundert. Frankfurt am Main. 1963, S. 411 ff.; H. Apel. Spaltung... S. 29—32 ff.

⁶⁹ H. Löwenstein. Op. cit., S. 66.

⁷⁰ H. Roberts. Russia and America. Dangers and Prospects. N. Y. 1956, p. 186.

⁷¹ N. Greabner. Germany between East and West. «Current History», May 1972, p. 225.

⁷² M. Schulman. Stalin's Foreign Policy Reappraised. Cambridge (Mass.). 1963, pp. 20—25.

Вторым основным направлением буржуазной историографии германского вопроса, как уже отмечалось, является условно названное нами либерально-критическое направление. Авторы, относимые к этому направлению, оставаясь на общих с официозным течением методологических позициях, критикуют отход западных держав от сотрудничества с СССР в решении послевоенных проблем, в том числе германского вопроса, переход их к политике «холодной войны», отказ от антифашистско-демократических реформ в Западной Германии, замену политики соглашений политикой «с позиции силы» и конфронтации. Нет оснований преувеличивать последовательность этих авторов. Их позиция отражает мнение буржуазно-либеральных кругов, не разделяющих откровенно агрессивную политику правых сил своих стран, озабоченных поисками соответствующих новым условиям приемов и методов внешней политики, признающих необходимость переговоров, компромиссов, соглашений, сотрудничества с социалистическими странами в решении сложных международных вопросов, в том числе и германского.

Некоторые из авторов, относящихся к либерально-критическому направлению, сами были непосредственными участниками событий 1945—1949 годов⁷³. Дж. Мартин, занимавший ответственный пост в оккупационной администрации США в Германии, нарисовал впечатляющую картину засилья реакционеров, сторонников сохранения милитаристской Германии в оккупационных органах. Дж. Уилер, ответственный сотрудник той же администрации, посвятил свою книгу политике западных оккупационных держав в рабочем вопросе. Это одна из немногих работ по данной проблеме, созданных как на базе документов, так и на основе личного опыта автора. В ней подробно освещены действия властей западных зон оккупации и в целом правдиво раскрыта неблагоприятная роль верхушки АФТ и правых лидеров германской социал-демократии, с помощью которых реакционным силам удалось воспрепятствовать созданию единства немецкого рабочего класса и не допустить объединения страны на демократической основе.

А. Карр, сотрудник администрации Белого дома, хорошо осведомленный о закулисной стороне большой политики США, приводит многочисленные факты о том, как зарождалась, планировалась и развивалась враждебная Советскому Союзу политика США, как происходил их отход от политики сотрудничества на основе союзнических соглашений. Резкая критика политики Англии и США в Германии, деятельности оккупационной администрации западных зон содержится в книге Б. Дэвидсона, служившего в английской администрации в Германии. Он показывает, что подавляющее большинство сотрудников оккупационных администраций западных зон, начиная с их руководства, не желали осуществления Потсдамских соглашений и сопротивлялись проведению их в жизнь. Они боялись, что последовательные демократические преобразования в Германии существенно изменят в нежелательном для них направлении расстановку социально-политических сил в стране. «Соблюдение духа и буквы Потсдамского соглашения вело не только к уничтожению германской военной промышленности и армии, но и к уничтожению самих основ общественного устройства Германии, порождающих милитаризм»⁷⁴.

Имеется значительное число работ известных буржуазных ученых и публицистов, содержащих критику оккупационной политики западных

⁷³ Дж. Мартин. Братство бизнеса¹ («Почтенные все люди»). М. 1951; Дж. Уилер. Американская политика в Германии. М. 1960; Р. Сэсюли. И. Г. Фарбениндуэстри. М. 1948; W. Burchett. Cold War in Germany. Melbourne. 1950; A. Carr. Truman, Stalin and Peace. N. Y. 1950; G. Schaffner. Russian Zone in Germany. L. 1974; B. Davidson. Germany: What Now? Potsdam to Partition. L. 1950.

⁷⁴ B. Davidson. Op. cit., p. 58.

держав в Германии⁷⁵. Эти авторы, хотя и с разной степенью последовательности, в конечном счете приходят к одному и тому же выводу: правящие круги западных держав не хотели осуществлять глубокие антифашистско-демократические преобразования в Западной Германии, намеченные Потсдамскими и другими союзническими соглашениями, и поэтому несут ответственность за срыв этих мероприятий в своих зонах оккупации. Единственно возможным методом решения международных проблем, в том числе и германского вопроса, по их мнению, был бы метод переговоров и соглашений заинтересованных стран, включая социалистические государства.

Представители либерально-критического направления, как правило, высоко оценивают опыт сотрудничества СССР и капиталистических стран в рамках антигитлеровской коалиции, опыт, свидетельствующий о принципиальной возможности сотрудничества государств двух общественных систем в решении международных вопросов. «Существование антигитлеровской коалиции,— отмечает Д. Горовиц,— явилось фактором важнейшего значения. Это — свидетельство того, что США и СССР не только могут сотрудничать, но и действительно сотрудничали в нелегком предприятии»⁷⁶. Противники сотрудничества с СССР после окончания войны, отмечает А. Карр, считали ошибкой безоговорочную капитуляцию Германии. «Было очевидно, что они предпочитают сохранить военную мощь Германии, рассчитывая, что ее вновь удастся направить на Восток». Карр показывает, что государственная политика США и Англии все больше и больше определялась сторонниками «крестового похода против коммунизма» — влиятельными группами политических деятелей, бизнесменов, журналистов, военных и церковников⁷⁷.

Уже в то время, когда в Потсдаме принималась союзническая программа в отношении послевоенной Германии, в западных странах вызревали проекты саботирования этой программы. «В Потсдаме,— отмечает Д. Горовиц,— были достигнуты соглашения по ряду важных вопросов, о порядке оккупации Германии. Но эти соглашения были омрачены изменениями в отношениях между участниками коалиции, начавшимися с приходом Трумэна к власти»⁷⁸. Американский историк Ф. Нил пишет, что независимо от позиции СССР «то направление американской политики, которое предпочитали Форрестол и его единомышленники в правительстве Трумэна, делало невозможным сотрудничество с Советским Союзом в Германии»⁷⁹. Осуждая сепаратные действия держав в Германии — слияние западных зон сначала в Бизонию, затем в Тризонию, введение новой валюты для Западной Германии и Западного Берлина,— он отмечает: «Независимо от того, насколько экономически оправданны были эти мероприятия, совершенно очевидно, что все они являлись нарушением соглашений по Германии. Западные державы считались с соглашениями по Германии лишь настолько, насколько эти соглашения соответствовали их интересам»⁸⁰.

⁷⁵ D. Fleming. The Cold War and Its Origins. 1917—1960. Vol. I, II. N. Y. 1961; J. Warburg. Germany—Bridge or Battle-Ground. N. Y. 1947; Fr. W. Neal. War and Peace and Germany. N. Y. 1962; D. Horowitz. The Free World Colossus. A Critique of American Foreign Policy in Cold War. L. 1965; S. Lens. The Futile Crusade. Chicago. 1964; J. Murray. From Yalta to Disarmament. Cold War Debates. N. Y. 1961; J. Davis. America and the World of Our Time. U. S. Diplomacy in the 20th Century. N. Y. 1960; M. Gottlieb. The German Peace Settlement and the Berlin Crisis. N. Y. 1960; H. Apel. Wehen und Wunder der Zonenwirtschaft; H. Schweppenhäuser. Op. cit.; K. Sontheimer, W. Bleek. Op. cit.; L. Matthias. Wie kam es zur Teilung Deutschlands? «Neuer Vorwärts», VII. 1954; O. H. von der Gablenz. Die versäumte Reform. Köln. 1960.

⁷⁶ D. Horowitz. Op. cit., p. 27.

⁷⁷ A. Carr. Op. cit., p. 58.

⁷⁸ D. Horowitz. Op. cit., p. 54.

⁷⁹ Fr. W. Neal. Op. cit., p. 31.

⁸⁰ Ibid., p. 34.

Срыв декартелизации в западных зонах оккупации был одним из вопиющих нарушений Потсдамского соглашения. Об этом свидетельствуют, в частности, итоги работы созданной военным министерством США специальной группы, руководимой Дж. Фергюсоном, представителем федеральной торговой комиссии. «Его неопубликованный доклад,— пишет Карр,— устанавливал неприглядную картину того, что официальные представители американской военной администрации в Германии, ответственные за осуществление декартелизации, умышленно саботировали ее. Они заходили в этом настолько далеко, что пытались предавать военно-полевому суду тех гражданских сотрудников своих служб, которые протестовали против невыполнения распоряжений о декартелизации, поступавших из Вашингтона». Дж. Макклой, сменивший Клея на посту руководителя американской оккупационной администрации в Германии, также «дал понять, что с осуществлением программы декартелизации он спешить не будет»⁸¹.

Если выступление Бирнса в Штутгарте в марте 1946 г. расценивается как первая открытая ревизия Потсдамских соглашений западными союзниками, то Московская сессия Совета министров иностранных дел 1947 г. характеризуется как поворот в политике США (а следовательно, и Англии) к сепаратной политике в Германии. «Московская сессия СМВД знаменовала появление новой политики Вашингтона,— отмечает Карр.— Через два дня после начала сессии Трумэн появился на объединенном заседании конгресса, чтобы изложить новую внешнюю политику США, на основании которой мы присвоили себе право вмешиваться во внутренние дела тех стран, которым угрожал коммунизм. Это было начало новой политики, в которой наименование таких акций, как доктрина Трумэна, план Маршалла, Атлантический союз, программа военной помощи, служило лишь символом для обозначения этапов долговременного плана, имевшего целью воспрепятствовать дальнейшему распространению коммунизма»⁸².

Основательной критике подвергались со стороны ряда историков либерально-критического направления действия военных администраций в западных зонах оккупации, приведшие к фактическому срыву денацификации. Западногерманский историк О. Габленц отмечает, что поведение западных оккупационных войск в вопросе денацификации заставило задуматься многих берлинцев, подорвало веру в них как освободителей⁸³. Другой историк из ФРГ, Э. Когон, писал об этом еще более определенно: «Результатом была в меньшей степени денацификация, в большей мере это была ренацификация. Злые языки говорят: «С тех пор как нам светит демократическое солнце, мы становимся все более коричневыми»⁸⁴.

Закономерным следствием государственного отделения Западной Германии, осуществленного по сценарию западных оккупационных властей при участии консервативных сил Западной Германии, явились ее вовлечение в военный блок НАТО и перевооружение. Ф. Нил писал, что раскол Германии на два государства положил начало разделению Европы на две противостоящие группировки, что чрезвычайно осложнило положение в мире⁸⁵. Анализируя позицию США и Англии в германском вопросе, Ф. Шуман усматривает корни их послевоенной политики в Европе в предвоенной мюнхенской политике западных держав, рассчитанной на то, чтобы направить агрессию гитлеровской Германии на Восток⁸⁶.

⁸¹ A. Carr. Op. cit., pp. 191—192, 196.

⁸² Ibid., p. 80.

⁸³ O. H. von der G a b l e n z. Op. cit., S. 17.

⁸⁴ E. K o g o n. Die unvollendete Erneuerung. Deutschland im Kräftefeld 1945—1963. Frankfurt am Main. 1964, S. 23.

⁸⁵ Fr. W. N e a l. Op. cit., p. 30.

⁸⁶ Fr. S c h u m a n. The Cold War. Retrospect and Prospect. Louisiana. 1962, p. 85.

Безусловный интерес представляют выводы, сделанные Г. Апелем. По его мнению, в 1946 г. западные державы порвали с Потсдамскими соглашениями потому, что еще задолго до этого отвели Западной Германии роль бастиона против СССР, для чего ей была оказана большая помощь по «плану Маршалла», что в сочетании с общей благоприятной экономической конъюнктурой и обусловило рост экономики ФРГ в первой половине 50-х годов⁸⁷. Эту точку зрения разделяет и западногерманский историк Г. Швеппенхойзер. По его заключению, раскол Германии, осуществлявшийся с 1947 г., явился прямым следствием действий западных держав, «нарушивших дух Потсдамских соглашений»⁸⁸. Историки К. Зонтхеймер и В. Блейк (ФРГ) обращают внимание на то, что Советский Союз в 1949 г. на Парижской сессии Совета министров иностранных дел предпринял еще одну попытку добиться принятия согласованного решения о единстве Германии под контролем четырех держав, на основе Потсдамских соглашений, но вступление ФРГ в западный «оборонительный союз», «противостоящий Востоку», перечеркнуло и эту советскую инициативу⁸⁹.

Таким образом, вольно или невольно историки либерально-критического направления подкрепляют важные выводы и оценки марксистской историографии, в частности тот факт, что союзнические решения по Германии, как и сама союзническая оккупация Германии, создавали условия для длительного плодотворного сотрудничества великих держав — участниц антигитлеровской коалиции, для согласованного решения одной из важнейших послевоенных европейских проблем. Ялтинские и Потсдамские соглашения, содержавшие программу совместного решения германской проблемы, создание СКС и позитивные аспекты его деятельности, явились конкретным воплощением этих благоприятных предпосылок. Союзническая программа в отношении Германии не была осуществлена в западных зонах оккупации в результате отхода западных держав от согласованной политики. Вследствие этого союзнические решения по германскому вопросу с точки зрения перспектив послевоенного сотрудничества явили собой пример упущенных возможностей коллективных усилий во имя создания стабильных международных отношений.

⁸⁷ H. Apel. *Wehen und Wunder der Zonenwirtschaft*, S. 7—9.

⁸⁸ H. Schwenpenhäuser. *Op. cit.*, S. 22.

⁸⁹ K. Sontheimer, W. Bleek, *Op. cit.*, S. 28—29.